

Ли Цинъюй очнулся от тяжелого сна с единственным чувством — в горле пересохло так, словно он сглатывал сухой песок.

Телефон на тумбочке не замолкал, извиваясь на деревянной столешнице от непрерывных вибраций.

[СҮ: Ты вернулся из родных краев или где?]

[СҮ: Ты же всегда встречал Новый год в Городе А. С чего вдруг тебя унесло в Цзаочуань?]

[СҮ: И что за препод у вас на курсе? Заявления на отпуск вообще не признает.]

[СҮ: Сегодня был промежуточный тест. Справку твою он забраковал, так что братухе пришлось писать за тебя. Ну что, как вернешься,ставишься?]

[СҮ: После обеда у тебя обязательная физиология бета-типа. Придешь?]

Глядя на эту вереницу сообщений от Чэн Е, где каждое слово дышало искренней заботой, Цинъюй вспомнил, что прежде от подобного внимания его сердце замирало бы от восторга.

Но теперь в душе остался лишь тяжелый, запутанный узел.

Пальцы замерли над экраном. Цинъюй набирал и тут же стирал ответ, совершенно не понимая, что сказать.

В итоге он отправил короткий стикер.

[Q: «Котик говорит: спасибо»?jpg]

[Q: Приду. Буду на парах после обеда.]

Ответа не последовало — должно быть, Чэн Е уже ушел на тренировку или сидел на лекции.

Отложив смартфон, Цинъюй поднялся и побрел в ванную.

В зеркале отразилась растянутая пижама с расстегнутыми пуговицами, обнажавшая бледную, почти белую грудь. Там еще проглядывали едва заметные следы — если не присматриваться, ничего и не увидишь.

А ведь еще месяц назад его тело пестрело багровыми и синеватыми отпечатками, да так густо,

словно кто-то опрокинул на него художническую палитру. Любой, у кого есть глаза, мгновенно понял бы, что произошло.

Воспоминание о том роковом вечере отозвалось тупой болью в висках.

Цинъюй ополоснул лицо холодной водой. Из зеркала на него смотрел изможденный юноша с темными кругами под глазами — вылитая панда.

После той ночи его сутками терзали жар и бессонница. Заснуть не удавалось часами, а если сон и приходил, то был настолько чутким, что любой шорох вырывал из него с трепетом в груди.

Сбежав из особняка семьи Чэн, он вернулся в пустую квартиру. К счастью, шла пора новогодних праздников, и дядя с тетей уехали наносить визиты родственникам в провинцию. Младший брат, Линь Чжао, учился в выпускном классе и жил в общежитии. Дома Цинъюй был один.

Соврав Чэн Е, будто тоже уехал с семьей, он сумел кое-как переждать самые тяжелые дни в полном одиночестве.

Из-за того что он испарился на всю первую половину каникул, Чэн Е слегка обиделся. А уж когда перед началом учебы Цинъюй взял еще и несколько дней больничного, тот и вовсе потерял терпение.

Цинъюй сделал глубокий вдох, разглядывая свое отражение.

«Все в порядке. Все уже позади. Пока я молчу, никто ничего не узнает».

К началу лекции по физиологии бета-типа он успел вовремя.

Преподаватель поправил очки и приступил к теме:

— Сегодня мы разберем анатомические особенности бета-организма.

Из заднего ряда тут же донеслось ехидное понукание:

— Ого, Чэн Е! Ты-то, альфа, какими судьбами на лекции для бет? Фигею с тебя: Сяо Юймао только вернулся, а ты уже липнешь к нему, как банный лист. Сяо Юй, и как ты его терпишь?

Чэн Е, крутивший в пальцах ручку, сощурился и огрызнулся:

— Заткнись, а? Много будешь знать — рано постареешь.

Он навалился плечом на Цинъюя, абсолютно естественно, как делал это сотни раз прежде. Но Цинъюй неожиданно ощутил резкий, почти физический дискомфорт — будто в его личное пространство бесцеремонно вторглись, нарушив хрупкое равновесие.

Он плавно и незаметно отклонился в сторону.

Чэн Е, потеряв опору, чуть не завалился на стол, но лишь беззаботно усмехнулся:

— Я просто расширяю кругозор. Не слушай этих балаболов.

Посидев на лекции еще минут десять, Чэн Е заскучал. Альфе на занятиях для бет делать было решительно нечего.

Прежде они не расставались даже на каникулах. А тут — больше месяца разлуки из-за этого странного отъезда Цинъюя. Чэн Е, честно говоря, успел соскучиться.

Положив подбородок на сложенные руки, он принялся в упор разглядывать друга.

Цинъюй сидел с прямой спиной и увлеченно конспектировал, не обращая на него ни малейшего внимания. Чэн Е попытался ущипнуть его за рукав, получил строгий, предостерегающий взгляд и, поняв, что развлечься не удастся, просто уткнулся носом в локти и заснул.

Стрелка настенных часов мерно отсчитывала секунды.

Из-за смыкающихся век цифры расплывались. Рядом ровно похрюпывал Чэн Е.

До конца пары оставалось всего две минуты, но для Цинъюя они тянулись как вечность.

За окном доносились шумы школьного двора, перекликаясь с монотонным голосом лектора и шелестом переворачиваемых страниц. В ушах гудело. Под кожей, вопреки холоду в аудитории, разливался плотный, зудящий жар, который подбирался к самому сердцу и заставлял Цинъюя все сильнее хмурить брови.

Раньше, когда Чэн Е спал вот так под боком, Цинъюй тайком рассматривал его профиль, любил едва заметно вести кончиком ручки по воздуху, очерчивая черты его лица.

Сейчас же дикая, выматывающая физиологическая резь вытравила из него все романтические порывы.

Губы сжались в сухую нить. Борьба разума со сбоящим телом придавала его облику холодную, отстраненную строгость.

— Что ж, под конец занятия упомянем еще кое-что, — лектор постучал указкой по доске. — На днях в нашем университете появился «симбионт».

Аудитория мгновенно оживилась.

— Серьезно?!

— Вот это да!

— Говорят, это кто-то из омег с нашего потока?

— Тишина в классе, — призвал к порядку преподаватель. — Я понимаю, что термин «симбионт» кажется вам чем-то из области фантастики, но это реальность. Хотя подобные случаи редки, они происходят. Кто-нибудь может объяснить, что представляет собой это явление?

Сюй Вэйжань тут же поднял руку:

— Я знаю! Симбиоз — это, по сути, одна из форм синдрома дисбаланса феромонов. Симбионты часто обладают выдающимися талантами в какой-либо сфере, но расплачиваются за это хроническими недомоганиями: бессонницей, истощением, вспышками агрессии или апатией. И избавиться от этого можно только при встрече с другим симбионтом, у которого идеальный уровень совпадения феромонов.

Он перевел дыхание и продолжил:

— Пока такого человека нет рядом, симптомы терпимы. Но стоит им встретиться, как механизм запускается на полную мощность. Если они вместе — оба обретают невероятный прилив сил и идеальное ментальное здоровье. Но если их разлучить... о, тогда начнется ад. Бессонница, расстройство психики, повышенная чувствительность, а в худшем случае — полный всплеск феромонов и ментальный коллапс.

При этих словах веки Цинъюя нервно дрогнули.

— Верно, — подтвердил лектор. — При разлуке симбионтов их состояние может напоминать лихорадку спаривания. Недавно один из наших студентов столкнулся с этим, но по незнанию

принял симптомы за обычный сбой, из-за чего возникло много путаницы. Прошу вас проявлять благоразумие и не распускать сплетни.

Он сделал паузу, собирая бумаги:

— И помните: симбиоз — это не просто диагноз. Это уникальный дар. В наше время мы не приветствуем браки по указке совпадения феромонов, но отрицать природу глупо. Симбионты друг для друга — единственные и неповторимые. Недаром в народе их называют «предначертанными судьбой». Относитесь к таким людям с уважением. Все, свободны.

Пронзительный звонок объявил об окончании урока.

Натянутые как струны нервы Цинъюя на мгновение ослабли.

Опустив взгляд, он с ужасом обнаружил, что бессознательно вывел на полях тетради: * «Предначертанные судьбой»*.

«Предначертанные судьбой?...» — мысленно эхом отозвался он.

Чэн Е потянулся, просыпаясь, и Цинъюй торопливо сгреб вещи в рюкзак.

Сюй Вэйжань перегнулся через парту:

— Чэн Е, ну что, твой брат так и не нашел того омегу?

Чэн Е сладко зевнул:

— Ничего подобного. Вся семья на ушах стоит, а брат уже больше месяца толком не спит.

— Значит, и правда симбиоз... Слушайте, откуда их столько развелось? Господи, пошли и мне симбионта! Я тоже хочу любви, предначертанной свыше!

— Мечтай больше, — фыркнул Чэн Е. — Ты даже не альфа.

— Бетам, значит, любовь не положена? — скривился Вэйжань.

— Любовь? — Чэн Е скептически изогнул бровь. — Да брат уже излился желчью. Вы же знаете его характер: педант до мозга костей, терпеть не может, когда в его машине хотя бы пахнет чужими феромонами. А тут мало того что переспал с кем-то, так тот еще и его симбионт! Мама говорит, он на людей уже кидается. На работе всех построил, а дома с ним даже заговорить боятся.

— Блин, ну и омега! Пробраться в чужую спальню, переспать и натянуть штаны до того, как хозяин проснется... Чего он добивался-то?

— А я почему знаю? — пожал плечами Чэн Е.

— Дичь какая-то. С данными твоего брата омеги в очередь выстраиваются, а тут такая дерзость. Может, это стратегия такая? «Тридцать шесть стратагем», игра в недоступность?

— Если и так, то переиграл сам себя. Брат выглядит как ходячий труп, синяки под глазами — вылитый злой дух. Но симбиоз-то работает в обе стороны! Этому омеге сейчас ничуть не лучше.

— Слушай, — загорелся любопытством Сюй Вэйжань, — а Чэн Вэй правда совсем не разглядел его лица?

Руки Цинъюя, застегивавшие молнию на сумке, на мгновение замерли.

Чэн Е заметил, что тот уже собрался, и перевел взгляд на него.

В эту секунду Цинъюй забыл, как дышать.

— Не-а. Говорит, в комнате была непроглядная тьма, ничего не разобрал.

Цинъюй медленно, с бесшумным трепетом выдохнул.

— А камеры? Камеры в доме тоже ничего не сняли?

— Ой, не спрашивай. Охрана в поместье расслабилась, системы наблюдения два месяца как отключены были.

Цинъюй закинул рюкзак за плечи и поднялся.

— Эй, ты куда? Мы же сопоставляли планы на баскетбол! — Чэн Е попытался перехватить его за лямку.

Поскольку вокруг находились одни беты, Чэн Е не контролировал свои феромоны. Когда он шагнул ближе, воздух вокруг него наполнился плотным, сочным ароматом грейпфрута.

Прежде Цинъюю нравился этот запах. Но сейчас обостренное до предела тело отозвалось на альфа-феромон сильной волной отторжения.

Он вырвал ремень из пальцев Чэн Е и бледными губами вытолкнул:

— Я... мне что-то нехорошо. Пойду в общежитие.

Чэн Е дернулся было за ним, но Сюй Вэйжань и Гу Линь подхватили его под руки:

— Куда мы без тебя? Матч сорвется!

— Да что с Сяо Юемао? Выглядит совсем краше в гроб кладут.

— Он же только с больничного, видать, не долечился.

Чэн Е хмуро смотрел вслед уходящему другу, на лбу его залегла глубокая складка.

Едва выскочив из корпуса, Цинъюй достал телефон и погрузился в поиски информации о симбиозе.

В полузаброшенном сообществе он наткнулся на свежее объявление:

[0205] [Подавитель симбиоза! В наличии! Успеите купить! Разработка известного НИИ, качество гарантировано!]

Цинъюй перешел по указанному контакту и с изумлением обнаружил, что этот номер уже есть в его адресной книге.

Имя контакта гласило: *Сюэ Дуннин*. Вроде бы они учились на одном факультете.

Цинъюй отправлял сообщение с замирающим сердцем:

[0213] [Q: Здравствуй. Я по поводу подавителя симбиоза.]

Спустя полчаса.

У глухой стены на краю университетского парка.

Сюз Дуннин воровато огляделся и, убедившись, что поблизости никого нет, выудил из глубин своего портфеля крошечный флакон.

— С трудом достал через третьи руки, — шепотом доложил он, пересыпая ампулу в ладонь Цинъюя. — Официально их давно сняли с производства.

Цинъюй поднял на него растерянный взгляд:

— Ты же писал, что это «массовая серия НИИ с гарантией качества»?

Дуннин отмахнулся:

— Ой, да какая разница! Главное — от этого еще никто не умер.

Цинъюй молча перевел ему сумму вдвое больше названной:

— Пожалуйста, никому не говори.

Сюз Дуннин уставился на экран с уведомлением о переводе, расплывшись в широкой улыбке:

— Могила! Словечка никому не скажу.

Он смерил Цинъюя пристальным взглядом:

— Слушай... а тебе-то это зачем?

Цинъюй сжал губы и не ответил. Сюз Дуннин не стал настаивать.

Глядя на осунувшееся, хотя и по-прежнему безупречное лицо однокурсника, Дуннин вздохнул:

— Ладно, по-свойски скажу: штука хреновая. Побочки — врагу не пожелаешь. Давай лучше верну деньги?

Он потянулся к ампуле, но Цинъюй спрятал ее в кулак, судорожно прижав к груди:

— Не надо. Мне правда... очень нужно.

Видя этот отчаянный, выжатый до капли вид, Дуннин лишь тяжело вздохнул:

— Ну смотри. Если что — сразу пиши.

Несмотря на позднюю осень, воздух вокруг казался плотным и раскаленным.

Каждый шаг давался с трудом. Кожу палило, а щеки заливал нездоровый розовый румянец. Несколько прохожих по дороге пытались узнать, не нужна ли ему помощь, но Цинъюй ускорял шаг, уклоняясь от разговоров, пока наконец не добрался до комнаты.

В общежитии никого не было — парни ушли на площадку.

Сбросив рюкзак, Цинъюй чувствовал, как силы окончательно покидают его. Ноги подогнулись, и он едва успел ухватиться за край стола.

Волна нестерпимого зуда и жара накрыла его с головой. Чтобы не потерять сознание, он сжал кулаки так сильно, что ногти впились в ладони, оставив темные багровые лунки.

Одно из проявлений симбиотического сбоя — симптомы, похожие на лихорадку спаривания. Единственный естественный способ снять их — найти своего симбионта и напиться его феромонами.

Тяжело дыша, Цинъюй увлек свое обмякшее тело в ванную и заперся изнутри.

Сюз Дуннин дал ему оральный подавитель — малюсенькую виалку с прозрачной синей жидкостью. Этот состав не просто глушил феромоны, он был разработан для облегчения симптомов симбиоза, но проект закрыли из-за мизерного количества потенциальных покупателей.

«Это... прямо так пить?»

За все двадцать один год жизни Цинъюй ни разу не приходилось пользоваться подобными средствами. Он был самым обычным бетой. У бет не бывает периодов гона или течки, они не чувствуют запахов. Большинство из них находят себе такую же бету, создают тихую семью, работают на обычной работе и спокойно проживают свою жизнь.

На лекциях говорили, что вторичная дифференциация во взрослом возрасте возможна, но шанс на это меньше, чем выигрыш в лотерею.

И надо же было этому ничтожному шансу выпасть именно ему. В тот самый день, когда произошло его превращение, он встретил своего симбионта.

Сложив воедино обрывки разговоров Чэн Е и лекцию преподавателя, Цинъюй со всей очевидностью понял: тот «дерзкий омега», которого ищет весь клан Чэн, — это он сам.

Воспоминания о той ночи вернулись с новой силой.

Он запаниковал. Очнуться в постели Чэн Вэя... Первой мыслью было — бежать!

Бежать как можно скорее!

Он не мог смириться со своим внезапным превращением в омегу.

Не мог принять то, что переспал с мужчиной.

И тем более — что этим мужчиной был Чэн Вэй.

Он запрокинул голову и выпил содержимое ампулы. Лекарство казалось сладковатым, но на языке остался горький, пепельный осадок.

Выбросив пустой флакончик, Цинъюй набрал в ладони холодной воды и ополоснул лицо.

Он опирался на края раковины, разглядывая свое отражение через стекающие капли, смывавшие с кожи остатки жара.

Длинные ресницы дрожали, и слезинки-капли капали с них, словно он молча плакал.

Внезапное превращение в омегу было лишь верхушкой айсберга.

Главная причина, по которой он никогда не сможет признаться... таилась гораздо глубже. Это была тайна, которую он прятал в сердце долгие годы.

Тайна, которую он поклялся унести с собой в могилу.

Он любил Чэн Е.

Любил его много лет.

Чэн Е был альфой, но мужчин-омег не просто не замечал — он их органически не переносил. Цинъюй не раз видел, как Чэн Е жестко и безжалостно отвергал признания от омега-парней.

И каждый раз после этого Чэн Е обнимал его за плечи и с искренним облегчением говорил:
«Как же круто, что ты бета!»

Тогда Цинъюй радовался своей серости и незаметности. Именно статус беты позволял ему оставаться рядом.

А теперь... он стал омегой. И по роковой случайности провел ночь с родным братом Чэн Е.

Цинъюй поднял глаза и встретился взглядом со своим отражением в зеркале.

Кому нужен этот симбиоз?

Чэн Е не должен узнать.

Никогда.

<http://bllate.org/book/20116/1991890>